

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008(091)

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

«Ученое сословие» в университетском законодательстве 20–60-х гг. XIX в.

В статье рассматривается положение «ученого сословия» в годы правления Александра I, Николая I и Александра II. Отмечается, что еще в эпоху Александра I были введены запреты на использование в учебном процессе произведений просветителей, усилена цензура, введен контроль за содержанием лекционных курсов. Были существенно сужены права корпорации преподавателей и расширены права попечителей, которые возводили преподавателей в ученые степени, открывали кафедры, внедряя новый стиль взаимоотношений государства и «ученого сословия», основанный на беспрекословном подчинении преподавателей государственным интересам. Принятый при Николае I новый университетский устав (1835 г.) полностью подчинил университеты чиновникам, «ученому сословию» была поставлена задача обучать молодежь в духе официальной идеологии. В то же время новый устав не привел к ухудшению положения «ученого сословия», сохранив прежнюю учебную нагрузку, право льготной подписки на зарубежные издания, право избирать университетскую администрацию. В 1848–1855 гг., в период «мрачного семилетия», права «ученого сословия» были существенно урезаны. С воцарением Александра II начинается период подготовки нового – «самого либерального», по отзывам современников, университетского устава, который был утвержден в 1863 г. При анализе нового университетского законодательства учитывается его компромиссный характер.

Ключевые слова: император, попечитель, Императорские университеты, университетское законодательство, устав университетов, инструкции Министерства народного просвещения, ректор, декан, ученый совет, профессорско-преподавательский корпус, «ученое сословие», юридический статус, служебные и сословно-табельные привилегии, академические и жизненные ценности.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

«The Scientific Estate» in the University Legislation of the 20–60-s in the XIX century

In the article the state of «the scientific estate» in the days of Alexander I, Nicholas I and Alexander II's reign is considered. It is noted that during Alexander I's reign the use of works by educators in the educational process was prohibited, censorship was strengthened, and control on the contents of lecture courses was done. The rights of the teachers' corporation were significantly narrowed and the rights of trustees who made teachers in academic degrees were expanded, chairs were opened introducing a new style of relationship of the state and «the scientific estate» based on implicit submission of teachers to the state interests. The new University Charter (1835) was adopted at Nicholas I's reign and it completely subordinated universities to officials, «the scientific estate» was given a task to train the youth in the spirit of official ideology. At the same time the new charter didn't make the state of «the scientific estate» worse, it kept the same academic load, the right of the preferential subscription to foreign editions, the right to elect the University administration. In 1848–1855 in the period of «gloomy seven years» the rights of «the scientific estate» were significantly curtailed. With the start of Alexander II's reign the period of preparation of a new – «the most liberal» according to the contemporaries – University charter began, it was approved in 1863. The compromise character is considered in the analysis of the new University legislation.

Keywords: Emperor, a trustee, Imperial universities, University legislation, a charter of universities, instructions of the Ministry of National Education, Rector, Dean, Academic Council, faculty, «the scientific estate», a legal status, service and class-organic privileges, academic and vital values.

В предыдущем номере журнала опубликована наша статья, в которой мы начали подведение итогов многолетнего исследования, посвященного зарождению и становлению «ученого сосло-

вия» Российской империи. В данной статье мы ставим своей целью в обобщающем виде представить положение российского «ученого сословия» в 1820–1860-е гг., когда в полной мере опре-

делились неразрешимые противоречия демократических начал университетской жизни с самодержавной формой правления, с ее стремлением к полному контролю над поведением и умонастроениями преподавателей и студентов.

В начале 20-х гг. XIX в. император Александр I, расставшись со своими республиканскими мечтаниями, санкционировал «разгром» университетов [4, с. 225–232; 23, с. 106], что, без сомнения, нанесло ощутимый удар по корпоративным правам и интересам еще не окрепшего «ученого сословия». Численность преподавателей, изгнанных из университетов за распространение «вредных доктрин» и пагубных плодов европейского просвещения, вновь резко сократилась¹. Уровень научности преподавания упал, так как, вытравливая дух вольнодумства и плоды «лжеименного разума» из общественно-политических и даже естественно-научных дисциплин, члены Главного правления училищ Министерства народного просвещения ввели запреты на использование в учебном процессе произведений просветителей, усилили цензуру, ужесточили контроль за содержанием лекционных курсов [33, с. 225–227].

Свободная корпорация преподавателей и студентов лишилась прав самоуправления, оказалась в полном подчинении попечителей, которые взяли в свои руки «исправление» университетских порядков в духе истинного благочестия, «спасительного согласия между верою... и властью». Попечители возводили преподавателей в ученые степени, открывали новые кафедры, перемещали профессоров с одной кафедры на другую, не считаясь с их специальностью [10, с. 46, 48, 50; 4, с. 277–279; 11, с. 99; 15, с. 337; 23, с. 110, 186; 33, с. 225–227].

Подобными мерами бюрократическая элита внедряла новый стиль взаимоотношений государства и университетов, основанный на беспрекословном подчинении государственным интересам лиц, ответственных за воспитание «новых поколений подданных».

Свобода обращения с университетским уставом 1804 г. министерских управленцев, легкость вторжения в правовое пространство университетов при помощи «Инструкций» и других подзаконных актов, беспрепятственная и бесцеремонная возможность властных структур менять юридический статус университетских коллегий с 20-х гг. XIX в. становятся нормой взаимоотношений между государством и университетским сообществом. Стремление управлять универси-

тетами преследовало главную цель: дисциплинировать умы и нормы поведения профессорско-преподавательского коллектива и студентов.

Манипуляции с расширением и сужением прав «ученого сословия» вообще характеризуют политику государства в «университетском вопросе». Университеты, постепенно вплетающиеся в ткань российской истории и культуры, становились подверженными всем изгибам и изломам развития российской монархии: им, как и другим социокультурным образованиям, приходилось испытывать на себе противоречивые подходы и непоследовательные курсы менявшейся в зависимости от многих причин и обстоятельств внутренней политики самодержавия. На протяжении первой половины XIX в. «ученое сословие» было еще совершенно беззащитно перед сменой направлений волонтаристского руководства императорами высшей школой.

Попыткой размежевать интересы государства и «ученого сословия» в «университетском вопросе» можно назвать устав 1835 г. [12]. Реформируя университеты при помощи новой нормативно-правовой базы, власть откровенно заявляла о своих намерениях управлять университетами и контролировать их академическую жизнь, предоставляя профессорско-преподавательскому корпусу возможность сосредоточить свои усилия на выполнении основной обязанности – обучать молодежь, к которой добавлялась непредусматривавшаяся прежде педагогическая функция – воспитывать студентов в духе официальной идеологии.

Новое университетское законодательство укрепляло государственное присутствие в высшей школе, полностью подчиняло университеты, как и другие государственные учреждения, центральной власти, распространяло на них укреплявшийся в годы правления Николая I принцип бюрократического централизма [9, с. 52, 53; 19. – 2.1; 23, с. 223–226].

Управление всеми сферами жизнедеятельности университетов оказалось сосредоточенным в руках назначавшегося императором попечителя учебного округа [21], что вместе с ликвидацией корпоративного академического суда, ограничением выборного начала, утратой университетом права руководства подвластным учебным округом и подчинением попечителю правления (гл. I, § 8; гл. V, § 47) привело к ослаблению университетской автономии. Имея право председательствовать в совете и правлении университета (гл. V, § 52), попечитель осуществлял надзор за его

административно-хозяйственной сферой, следил за порядком и дисциплиной, назначал для осуществления полицейских функций инспектора из военных и гражданских чиновников (гл. V, § 69–72); мог приостановить любое решение совета или ректора, если оно не соответствовало регламентировавшемуся уставом порядку осуществления образовательной и управленческой деятельности университета (гл. III, § 29). Доверенные лица попечителя в лице синдика², секретаря совета и инспектора присутствовали во всех коллегиальных органах университетского самоуправления, наблюдая за наличием в них «благочиния и порядка» в дозволенных уставом рамках. Без попечителя нельзя было объявить конкурс на замещение вакантной должности (гл. V, § 78), приступить к выполнению обязанностей лекторов, учителям «искусств», адъюнктам (гл. V, § 81, 86).

На лестнице служебной университетской иерархии попечитель стоял выше ректора и пользовался бóльшим авторитетом, чем деканы факультетов. Тем не менее, и ректоры и деканы причислялись к «начальствующим лицам» университета (гл. V, отд. I), которым отныне должны были подчиняться «чиновники по нравственной и учебной части» или представители профессорско-преподавательского коллектива (гл. V, отд. II).

«Общий» устав Императорских университетов 1835 г. уже не рассматривал эти учебные заведения как «ученое сословие», объединенное учебной и научной целями. Устав вообще не упоминает об «ученом сословии», а следовательно, дает понять, что лица, преподающие в университете, не являются независимой от государства корпорацией и потому не могут претендовать на особые служебные привилегии. Сословно-служебные права членов университетской коллегии были ограничены их новым юридическим статусом: в уставе преподаватели определены как «лица, принадлежащие к университету» (гл. IV, § 42); «лица университетского ведомства» (гл. IV, § 43); «чиновники по нравственной и учебной части» (гл. V, отд. II).

Следовательно, превращение попечителя из защитника интересов «ученого сословия» в первое «начальствующее лицо» университета сопровождалось началом растворения профессорско-преподавательской корпорации в единой корпорации чиновничества, присоединением представителей «ученого корпуса» к прочим чиновникам, по долгу своей службы связанным с универ-

ситетами. В связи с этим обратим внимание на то, что обязанности профессоров и адъюнктов определены прежде их прав, которые представлены лишь в предпоследней, седьмой главе устава вместе с «Правами и преимуществами университетов».

Одна из важнейших обязанностей профессоров, или их «должность», заключалась в «полном, правильном и благонамеренном преподавании своего предмета», а также в предоставлении студентам «точных и достоверных сведений о ходе и успехах наук, ими преподаваемых, в ученом мире» (гл. V, § 85. 1, 2). «Должность профессора» предполагала и его участие в факультетских собраниях, совете и правлении университета (там же, № 3), где больше внимания, по сравнению с уставом 1804 г., стало уделяться рассмотрению «метод преподавания», состоянию учебно-вспомогательных «пособий и заведений» (гл. II, § 20; гл. III, § 7, 30).

Устав закрепил уже оформившееся в правительственной среде представление о том, что в профессиональных обязанностях лиц высшей научной квалификации первенствующее значение имеет образовательная, а не научная деятельность. Это приводило к снижению авторитета профессорско-преподавательского корпуса, что находило подтверждение еще и в ограничениях сословно-табельных привилегий лиц недворянского происхождения: доступ к дворянским сословным привилегиям для университетских преподавателей – выходцев из мещан и крестьян был ограничен [20, с. 195, прим. 11]. Устав учреждал три ученые степени (кандидата, магистра и доктора наук. – гл. V, § 76, 80; гл. VI, § 112), что удлиняло образовательный маршрут соискателей высшей научной квалификации.

Все эти меры никак не соответствовали планам Николая I, изложенным в «Преамбуле» устава 1835 г., направить деятельность университетов на существенную «пользу наук». Однако недоверие императора к «ученому сословию» все же не привело к заметному ухудшению фактического положения преподавателей университетов.

Учебная нагрузка профессоров составляла восемь часов в неделю, а у ректора – всего четыре (гл. V, § 86). Они по-прежнему могли беспощинно выписывать из-за границы требовавшиеся им в учебном процессе новейшие «пособия» (гл. VII, § 121), а для осуществления своих научных разработок – периодические издания, рукописи, монографии и получать их «без цензурного рассмотрения» (гл. VII, § 121, 134). Результаты

учебной и исследовательской деятельности можно было опубликовать в университетских типографиях, заручившись разрешением совета (гл. III, § 27; гл. VII, § 120). Университеты, как и раньше, имели право создавать ученые общества (гл. VII, § 164).

Устав определил оптимальный стаж работы преподавателя – двадцать пять лет, но позволял заслуженным профессорам после успешного прохождения процедуры нового избрания заниматься привычными видами деятельности еще пять лет (гл. V, § 83). «Удаление от должности» преподавателя было возможно только «в случае нерадения» и, так же как и по уставу 1804 г., допускалось исключительно по решению совета университета, подтвержденному министром народного просвещения (гл. V, § 84).

Численность профессорско-преподавательского корпуса возросла за счет расширения номенклатуры научных дисциплин, изучавшихся на трех факультетах (медицинском, юридическом, философском с двумя отделениями – историко-филологическим и физико-математическим) (гл. I, § 2). Для преподавания новых учебных предметов, обогативших традиционные факультетские курсы, требовалось использовать труд двадцати шести ординарных и тринадцати экстраординарных профессоров, восьми адъюнктов, одного профессора богословия на открывавшейся общеуниверситетской кафедре богословия, церковной истории и церковного законовещения, а также четырех лекторов «новых» языков, трех-четыре учителей «свободных искусств» [12, гл. II, § 12–14; 40, с. 38]. В 1835 г. в шести российских университетах работали 265 человек, 74 % которых – из «природных русских» [20, с. 167; 34, с. 102].

Профессорам университетов было сохранено право избирать университетскую администрацию – ректора и деканов, срок полномочий которых возрастал до четырех лет (гл. V, § 61, 68). Они могли осуществлять пополнение своего корпуса через избрание достойных претендентов на вакантные кафедры (гл. V, § 77, 78, 80) и руководить процессом возведения в ученые степени (гл. III, § 30. 5; гл. VII, § 112). Однако, сохранив основные академические права профессоров, устав 1835 г. поставил их под контроль попечителя и министра просвещения, что, в свою очередь, усиливало управляемость университетов и их подчиненность центральной власти.

Профессорам и другим преподавателям была отныне отведена роль государственных служа-

щих, объединенных профессиональными интересами и ответственных за нравственный облик учащейся молодежи. В системе ценностей ученых-профессионалов стали присутствовать установки, коррелировавшие с идеологией порядка, верного служения престолу, покорностью. Идеологически и ментально зависевшие от императорской власти преподаватели университетов должны были совмещать свои научные и педагогические интересы с государственными и, подавляя в себе преданность академическим ценностям свободы, осваивать мировоззрение, аксиологию и нормы поведения чиновничества, потому что служба и преданность государству стали цениться выше преданности науке.

В практику управления университетами стали вводиться принципы добросовестной исполнительности, субординации, характерные для бюрократической элиты и чиновничества [35, с. 14, 20, 35, 44, 48], поэтому права профессорско-преподавательского персонала, называвшегося отныне «чиновниками по нравственной и учебной части», приобретали значение функциональных служебных преимуществ. Они отчасти совпадали с корпоративными правами «ученого сословия», перечисленными в уставе 1804 г., но, оказавшись под усиленным государственным контролем, попали в сферу огосударствления и упорядочивания.

Казалось бы, получив государственную эгиду, профессорско-преподавательские коллективы университетов приобрели надежную защиту своих прав, и сословно-табельных, и профессиональных.

Однако этого не произошло. В 1848–1855 гг., в период «мрачного семилетия», по коллегии «ученых чиновников» вновь был нанесен удар [3, с. 12; 17, т. 1, с. 312, 315; 30, с. 315].

«Спасая» учащуюся в университетах молодежь от «революционных влияний» Западной Европы и борясь за политическую благонадежность преподавателей университетов, Министерство народного просвещения запретило научные командировки профессоров и лучших студентов – «профессорских стипендиатов» – за пределы России, лишило университеты права получать литературу из-за границы, наложило вето на работу приглашенных зарубежных ученых [24, с. 289–293; 23, с. 251, 260, 261; 40, с. 46]. Изолировав университеты от бунтующей Европы, правительство приступило к обновлению устава 1835 г. Университетские коллегии лишились возможности избирать ректоров и деканов, главной

обязанностью которых становился «надзор» за преподаванием [25, с. 915, 916, № 1, 3]. Согласно «Циркулярам» и «Инструкциям», заменившим устав [23, с. 264], в университетской политике усиливались административные меры управления: запрещалось преподавание «опасных» для мировоззрения и нравственности студентов дисциплин (государственного права европейских держав и философии); вносились изменения в содержание общественных и гуманитарных наук; вводилось обучение военным наукам и строевой подготовке; изменялась структура университетов, где вместо философского отделения учреждались самостоятельные историко-филологический и физико-математический факультеты [3, с. 16, 17; 6, с. 346; 8, с. 348, 349; 15, с. 356; 26, с. 1042–1047; 27, с. 942, 943; 30, с. 318, 326; 36, с. 88; 37, с. 251, 252]; устанавливался лимит на студенческие контингенты [28, с. 915], принимались меры, ведущие к изменению социального состава студенчества.

Ужесточение цензуры, усиление полицейской власти, аресты преподавателей накладывали отпечаток на сознание и поведение представителей ученого корпуса, вынуждая их отказываться от разработки теоретико-методологических вопросов, общественно значимой проблематики исследований, заставляя вырабатывать психологию приспособленцев и дистанцироваться от коллег с леворадикальными взглядами [3, с. 18, 19; 40, с. 80, 81].

Новый «погром» университетов [32, с. 40, 41] вызвал раскол внутри университетского сообщества, который со всей очевидностью проявился в общественно-политической полемике по «университетскому вопросу», совпавшей с началом царствования Александра II. Пришедшая вместе с «оттепелью» и «гласностью», а также отменой «стеснительных запретов» [7, 1997, № 1, с. 99, 110; 23, с. 356] предыдущих лет возможность обсуждать проблемы университетского образования выявила широкий разброс высказывавшихся в академической среде мнений о судьбе отечественных университетов. При ответе на вопросы: в чем состоит предназначение ведущих «рассадников просвещения» России, нужно ли университетам самоуправление, как следует организовывать образовательный процесс – единой душой среди профессоров не было³.

Выбирая между идеалом университетского законодательства – уставом 1804 г. [41, с. 29–33] и николаевским уставом 1835 г., репутация которого была подмочена в период «мрачного семиле-

тия», видные ученые и общественные деятели России предлагали – ради большей защищенности научной деятельности и академических преимуществ университетов – отойти от модели национального российского университета, создававшейся при Николае I, в сторону наиболее передовых европейских, и в первую очередь германских, академических образцов. Привлечение к процессу активного обсуждения проекта нового университетского устава крупных зарубежных педагогов [23, с. 413; 34, с. 74, 75; 38, с. 56] также свидетельствовало о стремлении реформаторов высшей школы использовать лучший опыт университетского строительства для создания достойного европейских стандартов отечественного университетского образования.

Обсуждение этой идеи обострило соперничество московских и петербургских ученых, но при рассмотрении наиболее значимых для отечественных университетов проблем: расширение университетской автономии, ограничение власти попечителей, укрепление статуса профессорских коллегий – им все же удалось найти компромиссные решения. Тем не менее, нестыковки социально-политических ориентиров профессоров, профессиональная неприязнь друг к другу столетних ученых, расхождения во взглядах на будущее университетского строя «стародавних» и «молодых» профессоров дали возможность правительственным кругам взять в свои руки осуществление «университетского вопроса» [13, с. 155–168; 17, т. 2, с. 234, 251, 263, 273; 31, с. 41–43; 38, с. 53, 56, 57].

Готовившееся больше пяти лет реформирование «рассадников наук» стало отражением сложного взаимодействия несогласованных позиций профессорско-преподавательского состава российских университетов, внутриправительственных группировок, активного студенческого движения и одновременно явилось началом поиска уступок между этими оппозиционными силами [2, с. 151; 14, с. 325; 22, с. 49, 67]. Непрочность достигнутых соглашений в «университетском вопросе», наряду с наличием стойких противников ослабления управленческой вертикали в университетах, которые были как в правительстве, так и среди профессоров, предопределила недолговечность устава 1863 г.

Устав [18] сохранил уже окрепшие традиции регулирования деятельности университетов как разновидности государственных учреждений: он оставил попечителям право осуществлять общий контроль за администрацией университета (гл. I,

§ 4; гл. IV, § 29, 32, 34), преподавателями (гл. V, § 42. Б. № 2–4, 6) и студентами (гл. V, § 51. в. № 1, 2) и подтвердил возможность применять в случае необходимости меры воздействия, направленные на водворение должного порядка (гл. III, § 26, п. 1, 3). Попечителю также поручалось утверждать правила внутреннего «дисциплинарного строя» и изыскивать средства к «усилению ученой деятельности университета» (гл. III, § 26; гл. V, § 42; гл. IX, § 110). Но, как и по уставу 1804 г., попечитель не должен был вмешиваться в повседневную жизнь университетов, руководство которой поручалось совету (гл. V, § 5).

Университетскому совету были возвращены права, нарушенные или изъяты в 30–50-е гг. XIX в. Он вновь превращался в средоточие университетской жизни, в высшую инстанцию для всех остальных органов университетского устройства: правления, суда, инспекции, факультетских собраний (гл. V, § 42. А; гл. II, отд. II. Б. № 2, 3, 5, 6, 9, 10; гл. VII, § 70, 71). Действенность коллегиальных органов университетской власти была усилена, участие в решении широкого круга дел – от учебных до судебно-финансовых – гарантировано, пределы юридических полномочий «всех составных частей университетского управления» согласованы с прерогативами власти попечителя и министра народного просвещения (гл. V, § 42. Б, В).

Принципами осуществления академического самоуправления стали выборность, подотчетность, сменяемость университетских должностных лиц, коллективная ответственность профессоров за принятие решений (гл. V, § 37–40, 42, 45, 46, 50; гл. VI, § 64). Ослабление вертикали власти и укрепление самостоятельности университетских советов вновь создавали благоприятные условия для возвращения престижа «ученого сословия» и укрепления его юридического статуса.

По уставу 1863 г. значительно возрастало количество университетских преподавателей, что соответствовало увеличению числа кафедр – с одиннадцати до семнадцати в каждом университете (гл. II, § 13–16; 23, с. 419). На четырех факультетах: историко-филологическом (с историческим, классическим и славяно-русским отделениями), физико-математическом (с физическим, математическим и естественным отделениями), юридическом и медицинском – создавалось 53 кафедры, где требовались 57 профессоров и 33 доцента, заменивших адъюнктов (гл. II, отд. II, § 13–18). Сохранив прежние разряды преподава-

телей: ординарных и экстраординарных профессоров, а также лекторов европейских языков, устав включил в состав «ученого сословия» доцентов и приват-доцентов, увеличивая тем самым контингент «ученого сословия» сразу на 67 процентов, до четырехсот сорока трех преподавателей [34, с. 102].

Вызванное развитием фундаментальных и прикладных наук расширение и углубление преподавания, численное усиление и качественное обновление профессорско-преподавательских кадров создавали дополнительные возможности для укрепления «ученого сословия». Устав определял всех преподавателей «лицами, принадлежащими к университету» (гл. XII, отд. II; отд. III), но отделял их от «лиц, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях университета» (гл. VII). Как «служащие при университетах», все преподаватели пользовались «преимуществами, означенными в Своде Законов (изд. 1857 г.)» [имеется в виду Устав о службе гражданской. – Т. III, ст. 3. 7; 46; 56. – М. Н., Т. II.] (гл. XII, отд. II, § 136). Примечательность названного в параграфе 136 документа, уточненного в 1862 г., состоит в том, что в нем впервые было произведено официальное законодательное оформление понятия «ученый», давно бытовавшего в правосознании образованных слоев общества. В «Уставе о службе гражданской» сказано: «Под наименованием ученых... разумеются: а) получившие от одного из русских университетов ученые степени доктора, магистра или кандидата и звание действительного студента по разным факультетам... б) окончившие курс в бывшем Педагогическом институте со званием старших или младших учителей гимназий... в) те лица, которые приобрели вообще известность своими произведениями и признаны достойными звания ученых...» [29, с. 41].

В служебных документах императорских канцелярий середины XIX в. ученых включали в «особое сословие служащих», род занятий которых связан со службой «по ученой и учебной части» [29, с. 36, 38]. Это предполагало присвоение «служащим в университетах» классных чинов (§ 136). Хотя данная мера не приводила ни к увеличению персонального жалованья, ни к автоматическому повышению в должности [7, 1997, № 5, с. 114], производство в чины по-прежнему имело немаловажное значение для укрепления общественного положения «ученого сословия», тем более что устав повышал ранг университетских преподавателей и ускорял их продвижение

по лестнице служебной иерархии. Профессора, доценты, лекторы «производились двумя чинами выше присвоенного им должностного ранга», поэтому ректору устав присваивал чин IV класса (действительного статского советника), ординарный профессор производился в статские советники с чином V класса, экстраординарный профессор – в коллежские советники, доцент – в надворные советники (гл. XII, § 137, 142) [5, с. 266–271].

Укрепление социального статуса университетских преподавателей можно расценивать как признание высокой общественной полезности главных научных и учебных центров Российской империи. Росту престижности труда ученых способствовало повышение в среднем в два раза их окладов содержания, в которые стали входить квартирные и столовые «добавки» [34, с. 44, 45, 109, 110], причем разрыв между должностными окладами представителей «ученого сословия» столичных и провинциальных университетов был ликвидирован. Впервые в истории университетского законодательства преподавателям и сотрудникам, достигшим пенсионного возраста, посвящался особый раздел устава, в котором устанавливались гарантированные законом размеры пенсий и единовременных выплат (гл. XII, отд. III, § 145–147).

Перечисленные в уставе «преимущества», заметно улучшавшие материальное положение «ученого сословия», делали преподавательский труд более привлекательным, что было важно при сохранявшейся хронической незамещенности десятков кафедр⁴. Серьезная финансовая поддержка со стороны государства позволяла членам вновь усилившейся университетской корпорации сосредоточить максимум усилий и ответственности на профессиональной деятельности и не искать, как прежде, дополнительных заработков. Росту чувства собственного достоинства и самосознания ученых-профессионалов способствовали меры, направленные на совершенствование академической деятельности и улучшение организации научной работы на факультетах: разделение кафедр на обособившиеся к тому времени научные дисциплины или сложившиеся отрасли научного знания, а изучавшихся на факультетах предметов – на главные (обязательные) и вспомогательные; расширение научно-материальной базы университетов благодаря возросшему государственному финансированию [7, 1997, № 2, с. 105, 106]; передача советам университетов права принимать решения о

порядке преподавания дисциплин (гл. V, отд. I, § 42. А. № 1), а факультетам – «собственной властью» утверждать «программы преподавания наук» и содействовать «усилению учебной деятельности студентов» (гл. II, отд. III, § 23. А. № 1, 4); синхронизация ученых степеней и званий (гл. VII, § 68); облегчение условий достижения высшей научной квалификации и профессионализации молодых ученых (гл. VIII, отд. II, § 94; гл. IX, § 111, 112; 113, прим. а); возобновление возможности осуществлять зарубежные командировки [7, 1997, № 5, с. 104, 105]; появление форм морального поощрения труда профессоров (гл. IV, § 34; гл. V, § 42. А. № 3).

Подтвердив все права университетов, направленные на развитие их научной деятельности, которые содержались и в предыдущих университетских законодательствах, устав 1863 г. предоставлял профессорам более приемлемые условия осуществления научных изысканий: у них не было твердо установленной недельной нагрузки (гл. VII, § 82) и появлялась новая задача – активизировать интерес студентов к учебной деятельности через вовлечение их в «семинарии» и другие формы «возвышения научного уровня» [34, с. 122].

Кроме осуществления своих непосредственных – академических – обязанностей, все представители «ученого сословия» несли ответственность за выполнение студентами «дисциплинарного устава», так как высший контроль за поведением учащихся, а значит, и выработка мер, направленных на предупреждение рецидивов студенческого произвола конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в., передавались университетскому совету (гл. V, отд. I, § 42).

Рост авторитета университетских советов рассматривался и университетским сообществом, и составителями устава панацеей от новых студенческих волнений, эффективным средством возрождения доверия между учащимися и учащими, так как восстановленная в своих правах профессорско-преподавательская корпорация, уничтожившая произвол николаевской инспекции, должна была восприниматься студентами с большим уважением [16, с. 793]. Ее влияние на составление правил внутреннего распорядка, университетского быта, академического процесса должно было позитивно оцениваться студентами и наполнять их гордостью за обретение университетами относительной независимости от правительственных чиновников. Однако возвращение университетам автономии по-прежнему со-

четалось с ущемлением прав студенчества, лишённого корпоративной организации и превращённого последователями за уставом инструкциями Министерства просвещения в «отдельных посетителях университета» [17, т. 2, с. 376, 385, 388, 389; 43, с. 178, 236]. Преподавателям, в большинстве своем не разделявшим радикальных взглядов студентов, не удалось установить контроль над умонастроениями воспитанников, а следовательно, и решить одну из главных задач, поставленных перед ними властью: вытравить бунтарский дух из студентов, пресечь недопустимые формы их поведения, бросающего вызов самодержавию неуважением к престолу, религии и закону, неповиновением университетскому начальству и «расшатанностью умов».

Библиографический список

1. Аврус, А. И. История российских университетов: Очерки [Текст]. – М., 2001.
2. Андреев, А. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Часть 1) [Текст] // Высшее образование в России. – М., 2005. – № 1. – С. 156–169.
3. Ашевский, С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) [Текст] // Современный мир: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – СПб., 1907. – Июнь. – С. 12–26.
4. Булич, Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века [Текст]. – СПб., 1905. – Т. 2.
5. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года [Текст] / под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995.
6. Глинский, Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) [Текст] // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. – Т. LXXIX. – СПб., 1900. – Ч. 1. – С. 324–351; Ч. 2. – С. 718–742.
7. Головин, А. В. Записки для немногих [Текст] // Вопросы истории. – 1997. – № 1. – С. 98–119; 1997. – № 2. – С. 96–114; 1997. – № 4. – С. 68–86; 1997. – № 5. – С. 95–123.
8. Джаншиев, Г. А. Эпоха великих реформ: в 2 т. – Т. 1 [Текст]. – М., 2008 (Изд. 1905 г.). – Гл. III. Университетская автономия. – С. 343–393.
9. Днепров, Э. Д. Уроки дореволюционных образовательных реформ и контрреформ [Текст] // Днепров Э. Д. Образование и политика: в 2 т. – Т. 1. – М., 2006. – С. 46–61.
10. Из «Инструкции директору Казанского университета, Высочайше утвержденной 17 января 1820 г.» [Текст] // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Вып. I. Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 46–50.
11. История Московского университета: в 2 т. [Текст] / отв. ред. М. Н. Тихомиров. – Т. 1. – М., 1955.
12. Июля 26-го 1835 года Высочайше утвержденный общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Вып. первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 37–46.
13. Костомаров, Н. Замечание о наших университетах [Текст] // Замечания на проект общего устава Императорских российских университетов: в 2 т. – СПб., 1862. – Т. 2. – С. 155–168.
14. Кэссоу, С. Д. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения [Текст] // Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Экклофа, Дж. Бушнелла. – М., 1992. – С. 317–334.
15. Миллюков, П. Очерки по истории русской культуры [Текст]. – Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). – 4-е изд. – СПб., 1905.
16. Миллюков, П. Университет [Текст] // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1902. – Т. XXXIV. – С. 750–801.
17. Никитенко, А. В. Дневник: в 3 т. – Т. 1. 1826–1857. – М., 1955; Т. 2. 1858–1865. – М., 1955 / подг. текста, вступ. ст. и прим. И. Я. Айзенштока; под общ. ред. Н. Л. Бродского, Ф. В. Гладкова, Ф. М. Головенченко, Н. К. Гудзия.
18. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 3–43.
19. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры [Электронный ресурс] / под ред. Е. В. Олесеюка. – Режим доступа: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.
20. Петров, Ф. А., Гутнов Д. А. Российские университеты [Текст] // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 124–199.
21. Положение об учебных округах Министерства народного просвещения [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1864. – Т. 2, отд. 1. – № 358. – С. 730–735.
22. Рибер, А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ [Текст] // Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Экклофа, Дж. Бушнелла. – М., 1992. – С. 44–72.
23. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст]. – СПб., 1902.
24. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [Текст]. – СПб., 1864. – Т. 2, отд. 2. – № 850. – С. 289–293.
25. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [Текст]. – СПб., 1864. – Т. 2, отд. 2. – № 1108. – С. 915, 916.
26. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [Текст]. – СПб., 1864. – Т. 2, отд. 2. – № 1185. – С. 1042–1047.

27. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [Текст]. – СПб., 1864. – Т. 2, отд. 2. – № 1127. – С. 942–943.
28. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [Текст]. – СПб., 1864. – Т. 2, отд. 2. – № 1107. – С. 915.
29. Соболева, Е. В. Организация науки в пореформенной России [Текст] / Отв. ред. А. В. Кольцов. – М., 1983.
30. Соловьев, С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других [Текст] // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки / Изд. подг. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. – М., 1983. – С. 229–350.
31. Спасович, В. Пятидесятилетие Петербургского университета // Спасович В. За много лет: Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и проч. 1859–1871. – СПб., 1872. – С. 1–44.
32. Сперанский, Н. Государство и наука // Сперанский Н. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. – М., 1914. – С. 32–47.
33. Сухомлинов, М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: в 2 т. – Т. 1. – СПб., 1889.
34. Университетский устав 1863 года [Текст]. – СПб., 1863.
35. Федосов, И. А., Долгих, Е. В. Российский абсолютизм и бюрократия [Текст] // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 2. Власть и культура. – М., 2000. – С. 10–101.
36. Феоктистов, Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 [Текст] / Ред. и прим. Ю. Г. Оксмана; вводные ст. А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. – Л., 1929.
37. Хотеевков, В. Ф., Иванова, Л. Ф. «Слепое оружие воли Государя»: Князь Плагон Александрович Ширинский-Шихматов [Текст] // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. – Т. 1. – М., 2002. – С. 233–258.
38. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Московский университет [Текст] / Вступ. ст. и прим. С. В. Бахрушина; под ред. С. В. Бахрушина, М. А. Цявловского. – М., 1929.
39. Эймонтова, Р. Г. Революционная ситуация и подготовка университетской реформы в России [Текст] // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. / отв. ред. М. В. Нечкина. – М., 1974. – С. 60–80.
40. Эймонтова, Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической [Текст]. – М., 1985.
41. Эймонтова, Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века [Текст]. – М. 1993.
42. Эймонтова, Р. Г. Университетский вопрос и русская общественность в 50–60-х годах XIX в. [Текст] // История СССР. – 1971. – № 6. Ноябрь, декабрь. – С. 144–158.
43. Эймонтова, Р. Г. Университетская реформа 1863 г. [Текст] // Исторические записки / отв. ред. А. Л. Сидоров. – М., 1961. – Т. 70. – С. 163–196.

Bibliograficheskiy spisok

1. Avrus, A. I. Istorija rossijskih universitetov: Oчерki [Текст]. – М., 2001.
2. Andreev, A. «Nacional'naja model'» universitetskogo obrazovanija: vznikovenie i razvitie (Chast' 1) [Текст] // Vysshee obrazovanie v Rossii. – М., 2005. – № 1. – С. 156–169.
3. Ashevskij, S. Russkoe studenchestvo v jepohu shestidesjatyh godov (1855–1863) [Текст] // Sovremennij mir: Ezhemesjachnyj literaturnyj, nauchnyj i politicheskij zhurnal. – SPb., 1907. – Ijun'. – С. 12–26.
4. Bulich, N. N. Oчерki po istorii ruskoj literatury i prosveshhenija s nachala XIX veka [Текст]. – SPb., 1905. – Т. 2.
5. Vysshee obrazovanie v Rossii: Oчерk istorii do 1917 goda [Текст] / pod red. V. G. Kineleva. – М., 1995.
6. Gliinskij, B. B. Universitetskie ustavy (1755–1884 gg.) [Текст] // Istoricheskij vestnik: Istoriko-literaturnyj zhurnal. – Т. LXXIX. – SPb., 1900. – Ch. 1. – С. 324–351; Ch. 2. – С. 718–742.
7. Golovnin, A. V. Zapiski dlja nemnogih [Текст] // Vo-prosy istorii. – 1997. – № 1. – С. 98–119; 1997. – № 2. – С. 96–114; 1997. – № 4. – С. 68–86; 1997. – № 5. – С. 95–123.
8. Dzhanshiev, G. A. Jepoha velikih reform : v 2 t. – Т. 1 [Текст]. – М., 2008 (Izd. 1905 g.). – Gl. III. Universitetskaja avtonomija. – С. 343–393.
9. Dneprov, Je. D. Uroki dorevoljucionnyh obrazovatel'nyh reform i kontrreform [Текст] // Dneprov Je. D. Obrazovanie i politika: v 2 t. – Т. 1. – М., 2006. – С. 46–61.
10. Iz «Instrukcii direktoru Kazanskogo universiteta, Vysochajshe utverzhdennoj 17 janvarja 1820 g.» [Текст] // Solov'ev I. M. Russkie universitety v ih ustavah i vospominanijah sovremennikov. – Vyp. I. Universitety do jepohi shestidesjatyh godov. – SPb., 1914. – С. 46–50.
11. Istorija Moskovskogo universiteta: v 2 t. [Текст] / отв. ред. М. Н. Тихомиров. – Т. 1. – М., 1955.
12. Ijulja 26-go 1835 goda Vysochajshe utverzhdennyj obshhij ustav Imperatorskih rossijskih universitetov [Текст] // Solov'ev I. M. Russkie universitety v ih ustavah i vospominanijah sovremennikov. – Vyp. pervyj: Universitety do jepohi shestidesjatyh godov. – SPb., 1914. – С. 37–46.
13. Kostomarov, N. Zamechanie o nashih universitetah [Текст] // Zamechanija na projekt obshhego ustava Imperatorskih rossijskih universitetov: v 2 t. – SPb., 1862. – Т. 2. – С. 155–168.
14. Kjessou, S. D. Universitetskij ustav 1863 g.: novaja tochka zrenija [Текст] // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874 / pod red. L. G. Zaharovoju, B. Jeklofa, Dzh. Bushnel-

la. – М., 1992. – С. 317–334.

15. Miljukov, P. Oчерки po istorii russkoj kul'tury [Tekst]. – Ch. 2. Cerkov' i shkola (vera, tvorcestvo, obrazovanie). – 4-e izd. – SPb., 1905.

16. Miljukov, P. Universitet [Tekst] // Jenciklopedicheskij slovar' / Izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb., 1902. – T. XXXIVA. – S. 750–801.

17. Nikitenko, A. V. Dnevnik: v 3 t. – T. 1. 1826–1857. – М., 1955; T. 2. 1858–1865. – М., 1955 / podg. teksta, vstup. st. i prim. I. Ja. Ajzenshtoka; pod obshh. red. N. L. Brodskogo, F. V. Gladkova, F. M. Golovenchenko, N. K. Gudzija.

18. Obshhij ustav Imperatorskih rossijskih universitetov [Tekst] // Universitetskij ustav 1863 goda. – SPb., 1863. – S. 3–43.

19. Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoj kul'tury [Jelektronnyj resurs] / pod red. E. V. Olesejuka. – Rezhim dostupa: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.

20. Petrov, F. A., Gutnov D. A. Rossijskie universitety [Tekst] // Oчерки russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – T. 3. Kul'turnyj potencial obshhestva. – М., 2001. – S. 124–199.

21. Polozhenie ob uchebnyh okrugah Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Tekst] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. – SPb., 1864. – T. 2, otd. 1. – № 358. – S. 730–735.

22. Riber, A. Dzh. Gruppyvye interesy v bor'be vokrug Velikih reform [Tekst] // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874 / pod red. L. G. Zaharovoju, B. Jeklofa, Dzh. Bushnela. – М., 1992. – S. 44–72.

23. Rozhdestvenskij, S. V. Istoricheskij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1802–1902 [Tekst]. – SPb., 1902.

24. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija [Tekst]. – SPb., 1864. – T. 2, otd. 2. – № 850. – S. 289–293.

25. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija [Tekst]. – SPb., 1864. – T. 2, otd. 2. – № 1108. – S. 915, 916.

26. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija [Tekst]. – SPb., 1864. – T. 2, otd. 2. – № 1185. – S. 1042–1047.

27. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija [Tekst]. – SPb., 1864. – T. 2, otd. 2. – № 1127. – S. 942–943.

28. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija [Tekst]. – SPb., 1864. – T. 2, otd. 2. – № 1107. – S. 915.

29. Soboleva, E. V. Organizacija nauki v poreformennoj Rossii [Tekst] / Otv. red. A. V. Kol'cov. – М., 1983.

30. Solov'ev, S. M. Moi zapiski dlja detej moih, a esli možhno, i dlja drugih [Tekst] // Solov'ev S. M. Izbrannye trudy. Zapiski / Izd. podg. A. A. Levandovskij, N. I. Cimbaev. – М., 1983. – S. 229–350.

31. Spasovich, V. Pjatidesjatiletie Peterburgskogo universiteta // Spasovich V. Za mnogo let: Stat'i, otrvyki, istorija, kritika, polemika, sudebnye rechi i proch. 1859–1871. – SPb., 1872. – S. 1–44.

32. Speranskij, N. Gosudarstvo i nauka // Speranskij N. Krizis russkoj shkoly. Torzhestvo politicheskoi reakcii. Krushenie universitetov. – М., 1914. – S. 32–47.

33. Suhomlinov, M. I. Materialy dlja istorii obrazovanija v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra I // Suhomlinov M. I. Issledovanija i stat'i po russkoj literature i prosveshheniju: v 2 t. – T. 1. – SPb., 1889.

34. Universitetskij ustav 1863 goda [Tekst]. – SPb., 1863.

35. Fedosov, I. A., Dolgih, E. V. Rossijskij absoljuzizm i bjurokratija [Tekst] // Oчерки russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – T. 2. Vlast' i kul'tura. – М., 2000. – S. 10–101.

36. Feoktistov, E. M. Vospominanija. Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896 [Tekst] / Red. i prim. Ju. G. Oksmana; vvodnye st. A. E. Presnjakova i Ju. G. Oksmana. – L., 1929.

37. Hoteenkov, V. F., Ivanova, L. F. «Slepoe orudie voli Gosudarja»: Knjaz' Platon Aleksandrovich Shirinskij-Shihmatov [Tekst] // Oчерки istorii rossijskogo obrazovanija: K 200-letiju Ministerstva obrazovanija Rossijskoj Federacii: v 3 t. – T. 1. – М., 2002. – S. 233–258.

38. Chicherin, B. N. Vospominanija. Moskovskij universitet [Tekst] / Vstup. st. i prim. S. V. Bahrushina; pod red. S. V. Bahrushina, M. A. Cjavlovskogo. – М., 1929.

39. Jejmontova, R. G. Revoljucionnaja situacija i podgotovka universitetskoj reformy v Rossii [Tekst] // Revoljucionnaja situacija v Rossii v 1859–1861 gg. / otv. red. M. V. Nechkina. – М., 1974. – S. 60–80.

40. Jejmontova, R. G. Russkie universitety na grani dvuh jepoh. Ot Rossii krepostnoj k Rossii kapitalisticheskoi [Tekst]. – М., 1985.

41. Jejmontova, R. G. Russkie universitety na putjah reformy: shestidesjatyje gody XIX veka [Tekst]. – М., 1993.

42. Jejmontova, R. G. Universitetskij vopros i russkaja obshhestvennost' v 50–60-h godah XIX v. [Tekst] // Istorija SSSR. – 1971. – № 6. Nojabr', dekabr'. – S. 144–158.

43. Jejmontova, R. G. Universitetskaja reforma 1863 g. [Tekst] // Istoricheskie zapiski / otv. red. A. L. Sidorov. – М., 1961. – T. 70. – S. 163–196.

¹ В Харьковском университете, к примеру, осталось 8 преподавателей вместо положенных двадцати шести [1, с. 40].

² Синдик назначался из чиновников с юридическим образованием для составления протоколов и отчетов, отсылавшихся в Министерство народного просвещения (гл. III, § 31; гл. V, § 95).

³ См. подробнее: 39, 42, 43.

⁴ В 60-х гг. XIX в. не хватало двухсот тридцати штатных единиц [7. – 1997. – № 2. – С. 106].